

Некоторые
размышления

О ПОЭТЕ

Николае

Рубцове

и его

моряцко-

рыбацкой юности

Природа рубцовского поэтического Я — женская, пассивная, ИНЬ. Рубцов чутко вслушивается в себя и переносит на бумагу услышанное. Недаром же у него такие выразительные, характерные уши, выдающие в нем большие способности к музыке (и то: самоучкой одолел игру на гармонии и гитаре). Не будь он в такой степени сиротой, попади в детстве в музыкальную школу, он мог бы стать замечательным исполнителем, а то и композитором. «Я слышу печальные звуки, какие не слышит никто». Или «...слышится пение детского хора» — это из небес ему слышится! Но ничего в природе не напрасно: вода дырочку найдет. — Рубцов раскрывается как музыкант в поэзии, пришедшей на помощь в его безграничном одиночестве. Его сильная сторона — в глубочайшей мелодической исповедальности, и это в русле любой народной поэзии, не обязательно русской. Очень точно сказала о главном в рубцовской поэзии Валентина Телегина (см. «Воспоминания о Николае Рубцове», Вологда, 1994):

.....
*И поешь ты у темных околиц,
у задымленных снегом крылец —
самый чистый ее колоколец,
самый русский ее бубенец.*

На этом стоит поэзия любого народа — на песенном соловьином начале. Вот и поэт Глеб Горбовский уловил главное: «На птичьи его песни выпал снег».

Не скажу, что я питала сильное пристрастие к стихам Рубцова. Мне его было мало и сейчас — мало. То есть мало в его стихах. Есть у нас менее певучие, но более могучие приты. Однако знают все, имеющие вкус к большой поэзии. Знают, но слово-словить не спешат. Обоих поэтов в былые годы не раз видели вместе за «чаепитием». Застолья засто-льями, но поэтические пути у них уже тогда были разные: один соловьем заливался из родимого куста, другой тяжело, напряженно, мрачно думал о российской туге. И тот и другой по-своему чувство-

вали грядущие бури, — поэт не может не чувствовать. Один — июль, другой — январь. А вместе они — полнота поэзии, как икона есть полнота всего, по выражению одного очень известного иконописца-современника. Ни тот ни другой не повинны в том, что они такие, а не иные: просто один был отменным инструментом, другой возвышал поэзию своими могучими взлетами. И продолжает возвышать.

Грусть рубцовских стихов... она очень естественная. Просто воздух наш грустный, природа наша по большей части грустная. И вообще... там, где живет русский человек — а это все земли выше Вологды, — жить не рекомендуется. Так считают западные «гуманисты», заморские человековеды. То есть в рубцовской грусти, запрограммированной наперед, они увидели бы русскую болезнь — авитаминоз. А где он — там пассивное созерцательное поведение.

Противостоять этому Рубцов, кажется, и не пытался, кроме юношеского «Я весь в мазуте, весь в тавоте. Зато работаю в тралфлоте...» Бодрому состоянию духа способствовала, конечно, молодость, но и то, что море, жизнь на море, морская служба и работа были редкой удачей для него, исполненной мечтой. По крайней мере на фоне безрадостных годов детства и ранней юности. На пути к морю Коля Рубцов преодолел немало препятствий: мы знаем, что он дважды пытался поступить в мореходку, сначала в Риге, потом в Архангельске, но не проходил по конкурсу. Есть предположение, что он с этой же целью побывал в Великом Устюге: «Топ да топ от кустика до кустика — неплохая в жизни полоса. Пролегла дороженька до Устюга через город Тотьму и леса». Дважды он учился в техникумах и дважды бросал учебу через год-другой — все ради мечты о море. В одной из автобиографий Рубцов между прочим пишет, что работал на нескольких заводах. Но мы знаем только про один — в Питере, с которого он и уехал учиться в Литературный институт. А где же другие?.. Еще об одном мы знаем точно. Это в городе Котласе, что в верховьях Северной Двины. Если соединить прямыми линиями три точки на карте: Вологду, Архангельск и Котлас, то получится четкий «рубцовский треугольник». Мне думается, поэт не однажды метался по этому треугольнику, ища места под солнцем, в поисках заработка и человеческого тепла. Котлас — большое белое пятно в биографии Рубцова. О нем я нигде не нашла ни намека. А ведь он был. Там, в нем, у Николая был друг, были до поры тайная влюбленность и ситуация любовного треугольника, разрешившаяся не в его пользу. И не в нашу. Случись все по-иному, быть может, он был бы еще с нами... Приходится эта история на тот период, о котором в «Жизнеописании...» у С. Белкова сказано: «Вероятно, летом 1954 г., в каникулы, поэт побывал в Ташкенте, в Вологде... и других местах». Нам как раз и интересно это размытое «и в других местах». Вот что написано о Котласе в двухтомном энциклопедическом словаре 1964 года:

«Город в Архангельской области РСФСР, пристань на Северной Двине при впадении в нее реки Вычегды. Ж.-д. узел. 39,2 т. ж. Судостроит., судоремонт. и лесная пром-сть. Близ Котласа строится целл.-бум. комбинат».

В 1954 году Николай учился в горно-химическом техникуме в Кировске, что на Кольском полуострове. А куда же ему было деться в долгие летние каникулы: родные его не слишком ждали, в детдом в Никольском приезжать было уже неудобно, он и так слишком долго пользовался добротой помнивших его воспитателей. Так почему бы ему не устроиться матросом на какую-нибудь баржу-самоходку, которых немало идет по Двине, Сухоне и Вычегде в навигацию. Там харч, там крыша, там белые ночи... Вполне возможно, так было не однажды, но про одну навигацию мы знаем точно.

Судостроение притягивает к себе немало мужской силы. Вставали на ремонт суда разного калибра, команда частично рассыпалась по этой причине, людей набирали здесь же, текучка была большая: это только на берегу кажется, что моряку легко. (Забегая вперед, скажем, что юноша Рубцов выдержал в тралфлоте чуть больше года, а ведь как стремился попасть в море!)

Наша история начинается банально: два дружка-морячка (вернее — речника) запохаживали к одной девушке в общежитие плавсостава. Девушка учится, невеститься ей еще не срок. Свидания втроем продолжают до той поры, пока один не уходит в рейс. Другой — Рубцов — пока остается на берегу... Но пусть героиня этой развернувшейся во времени драмы сама все расскажет, а потом мы кое-что дополним о ней самой.

В середине 60-х годов я жила в общежитии завода Лименда, которое располагалось на улице Советской в «стеклянном» бараке. Барак построили пленные немцы. И были построенные ими бараки очень светлыми, с большими окнами. В каждой комнате по два огромных окна во всю стену. Зимой в комнате нас жило по четыре человека. Весной, перед началом навигации, подсаляли еще по два человека. С началом навигации общежитие пустело больше чем наполовину. Недалеко от нас, на соседней улице, стояло еще два общежития. В одном жили парни из комсостава: штурманы, механики (в 58-ом уже все, от рулевого до матроса). И, как всегда водится, где девчонки, там и парни. Вахтеров у нас не было, доступ свободный, и ребята приходили, когда хотели: днем, вечером, иногда ночью.

В тот год нас в комнате жило четверо. В ту навигацию я не пошла плавать. Мой пароход «Александр Космодемьянский» стоял на среднем ремонте, и поэтому команда разошлась по разным судам. Я осталась на берегу, поваром на фабрике-кухне. К нам в комнату зачастили два друга: Санька Слюнченко и Никола Рубцов — так они представились нам. Познакомились мы так: я пришла с работы, а

они уже сидели за столом и резались в карты. Я, не обращая на них внимания, занялась своими делами; я училась заочно в техникуме, приближалось время сессии — и мне не до парней. Но они стали приходить к нам каждый день. Работа у поваров сменная: с пяти утра до часу дня, и с полудня до восьми тридцати вечера. Прошло около двух месяцев, весна затягивалась, навигация отодвигалась. Ребята стали приходить к нам по одному. Санька был длинный, худой, тоненький в поясе и широкий в плечах. Никола был пониже ростом и тоже худой. Жили они в своей общаге, выпивали, как водится у водников: деньги пропьют и живут впроголодь. Хорошо, что тогда в столовых хлеб лежал на столах бесплатно. Они сами над собой тогда смеялись: возьмем, дескать, стакан чая, хлеб с горчицей поедим и пошли на работу. Одевались в то время все скромно. Оба они недавно пришли из армии и не успели еще приодеться как следует. Николай ходил по форме, на шее у штурманов всегда должно быть белое кашне.

Мы дружили с Санькой, и Никола был почти всегда с нами. Придет, сидит в комнате и молчит или говорит мало что значащие слова. Перед рейсом Санькиного парохода мы с ним серьезно поговорили. Николай был назначен на другой пароход. Когда Санькино судно ушло, он подошел ко мне и неожиданно сказал: — Давай, Дина, распишемся?!

Я оторопела и не знала, что сказать. Все было так неожиданно. И я уже дала слово Саньке, что буду ждать его до конца навигации. Вот так бывает: на одной неделе мне сделали два предложения. Я осталась верна данному слову, но всю жизнь жалела, что не нарушила обещание.

Николай, если судить по гороскопу, подходил мне идеально, а Санька не подходил настолько, что нам вместе нельзя было быть: я — Крыса-Лев, он — Змея-Телец. Но тогда гороскопов не было, мы ничего такого не знали и, как сделать правильный выбор, не имели никакого представления... Я не стала Николу обманывать, прямо так и сказала, придя в себя: — Где ты раньше был?.. Почему молчал и виду не показывал, что я тебе нравлюсь?.. Если бы ты сказал об этом хотя бы на неделю раньше...

Как я потом раскаивалась и жалела! Жизнь доказала, как я ошиблась в выборе. С Санькой мы прожили вместе больше двадцати лет, и была это не жизнь, а мука для нас, и разойтись почему-то мы тоже не могли.

Муж рассказывал мне, что они с Николаем до этого плавали на одном судне. Но как оно называется, я не помню, и спросить сейчас не у кого. Саня так говорил:

— Никола возил с собой два чемодана тетрадей со стихами. Стоим на вахте: Рубцов — штурман, я — рулевой. Никола все читал свои стихи и спрашивал: ну как, Санька? Стихи были хорошие и не очень. Я ему так и говорил. А он был мнительным

и очень болезненно реагировал, если я говорил, что стихи так себе.

После моего отказа Николай уволился и уехал. А мне вскоре дали отдельную комнату, и я из общежития переехала. Осенью, с окончанием навигации, мы с Санькой стали жить вместе и прожили 21 год. В конце 1987 года Саня прошел медкомиссию, получив заключение: «В навигацию 1988 года годен». Через месяц его не стало. Он никогда не болел и ни на что не жаловался.

Про Николая мы с тех пор ничего не знали. Только когда стали широко появляться его стихи в печати, муж рассказал мне о нем побольше. Теперь о Николае ходит много разных слухов. В печати пишут о нем, что он был пьяница и даже бомж, а я хочу заступиться за него, замолвить доброе словечко. Хочу сказать, что к нам в комнату ребята никогда пьяными не приходили, и пил Николай в то время не больше других. На флоте у плавсостава была такая традиция: пока они на берегу — пьют, но как только ступили на палубу судна, вся команда трезвеет. С этим очень строго было. Я знала Николая как честного и очень чистого человека.

Д. А. Кокорина в 1999 году.

Фото М. Аввакумовой.

Из письма Д. А. Кокориной:

Я читала повесть Н. Коняева в «Севере» «Путник на краю дороги». У него там нет периода после того, как Рубцов не поступил в Рижскую мореходку и бросил Тотемский лесотехникум, — получается довольно большой перерыв. Он вполне мог учиться в Устюге, потому что в то время в училище было все бесплатно, курсанты были на полном гособеспечении. И после того как его выгнали из института, у него не было прописки, негде было жить, он вполне мог уехать на Север и плавать: прописка была на Плавбазе, а летом проблем с жильем не было — жили на пароходе. Образ жизни Рубцова той поры — это образ жизни любого из плавсостава, кому негде было приклонить голову...

Я подключила директора Лимендского судоремонтного завода и редактора нашей газеты, — они обещали помочь в расследовании.

24.08.1999. Котлас.

Теперь расскажу кое-что об авторе этих воспоминаний — давней (долгой ли?) пассии Николая Рубцова Дине Александровне Кокориной. Мы с ней землячки — обе из Верхнетоемского района Архангельской области. Детство наше почти совпало: девочкой она приносила молоко в большой леспрохозовский дом, где жила и наша семья... Меня увезли из районного села Верхняя Тойма в десять лет, потом жизнь все дальше уводила от Севера, но полностью связи с родиной я не прерывала. Время от времени мне приходили по почте родные весточки в виде районной газеты, где однажды я прочитала чудесные краеведческие очерки за подписью: Дина Кокорина. Я нашла ее адрес и письменно поблагодарила. Так началась наша переписка. Воодушевленная моим предложением собрать очерки в книгу, Дина Александровна все последние годы этим и занималась. Весной этого года книга ее вышла в Котласе при активном содействии редактора газеты и директора типографии, а также с благословения совета ветеранов... Да, Дина Кокорина состарилась, простилась с активным трудом, но заниматься духовными трудами ей пока ничто не мешает: ее краеведческие труды лично мне очень интересны и не в последнюю очередь — своим изумительной свежести, без тени утрированности или псевдонародной искусственности языком. И ей есть что вспомнить и что порассказать: ее, как и меня, поносило по стране. Но возраст повелел вернуться к родным пещерам, где она вплотную занялась работой над книгой о своей деревеньке Монастырская и ее несчастных жителях. Книга называется «Деревня моя, очень древняя-дальняя». О ней был мой небольшой отклик в газете «Литературная Россия», № 12 за этот год.

Возможно, о их пересечении с Николаем Рубцовым я никогда не узнала бы, если бы однажды, в прошлом году, Кокорина не побывала у меня в Москве. Она решила открыться мне почти что в

последний момент нашей встречи. Что мешало ей открыться сразу? — скорее всего типичная для северян суперскромность, которую «продвинутые» называют зажатостью. После этого ее признания я достала старенький скрипучий диктофон, и он стойчески трудился все полтора часа, записывая ночной рассказ про то, как счастье было так близко!.. так возможно!.. для двух человек сразу. А ведь счастье двоих — это так много в деле строительства земной гармонии.

Что до гармонии, то, видимо, Николаю Рубцову она только снилась. Не с того ли все началось, когда младенец Коленька, сидя на руках у матери и теребя вкусную сладкую булку, возьми и брось ее на землю... Не тогда ли и началось его сиротство?.. Много лет не есть ему не только булки, но и хлеба досыта и почти не знать ласковых рук женщины, но сполна узнать другие руки.

Возможно, он и не был создан для женщины, сам имея в своем естестве много женского. Как не был создан для женщины Лермонтов. В этом они очень похожи, правда, конец второго не был столь нелеп и трагичен. Такой конец для Лермонтова, по определению, был исключен: среда обитания, несомненная галантность мужчин его «касты» исключали тушение окурков на плече подружки и тому подобные «доблести». Наши кавалеры и не на то способны, стоит им залить глаза. И невдомек им, какая пытка для женских ушей раздольный мужской мат. В свои безуглые годы Николай, конечно же, много чего нахватался, но поэтическая, соловьиная его душа не позволяла опускаться слишком низко. Он напишет об этом своем пределе с замечательным мужеством:

Я забыл, что такое любовь.

Не любил я, а просто трепался.

Сколько выпалил клятвенных слов!

И не помнил, когда просыпался.

Но однажды, прижатый к стене

безобразьем, идущим по следу,

словно филли, я вскрикну во сне,

и проснусь, и уйду, и уеду...

Глубочайшая обида, по всей видимости, свила гнездо в душе мальчика на своих сестер, которых после смерти матери разобрали родные и близкие, а мальчишек — Колю и Борю — отправили в детдом. Сестры в детдом не навевывались и потом, когда Николай стал студентом, на каникулы не слишком-то приглашали. Во всяком случае по стихам примет сестринской любви не отыскивается. Мать... образ матери в поэтической памяти Рубцова тоже не высвечен. Тут тоже некая психологическая загадка. «Матушка возьмет ведро, молча принесет воды» — это ведь не о матери сказано. Материнская тема проскальзывает, да и то как-то боком в стихотворении «Памяти матери». Тут тоже можно порассуждать, но мы пока не станем этого делать.

В январе
2001 года
Николаю
Рубцову
было бы
65 лет

На фото:
Николай
Рубцов —
второй слева.

(Что касается отца, то тут полная обструкция, умолчание. Что только подтверждает мою догадку.) Но сердечные чувства, настроенные в юности на любовь, требовали выхода. Выход был всегда перед глазами — девчонки в детдоме, девчонки в техникумах, портовые девицы... И он влюблялся. Кажется, все главные героини его сердца известны: Нина Алферьева, Татьяна Агафонова, Тая Смирнова... Прекрасные дамы все были разные, а окончание сердечных приключений для него неизменно однотипно — отвержение его вместе с его чувствами. Даже рождение дочери не привязало его по-настоящему к Генриетте Меньшиковой, их совместной жизни так и не получилось.

А ему бы опереться на кого-то. Ведь он с ранних лет прочувствовал:

*Что весь на свете ужас и отравы
тебя тотчас открыто окружают,
когда увидят вдруг, что ты один...*

Скрыть, «что ты один», можно, но только не от себя самого. Понять навязчивость сказки про белого бычка в его отношениях с женщинами можно только с помощью слова РОК.

Обстоятельства его жизни просто вопиют о том, что судьба-владыка словно бы издевалась над ним. Вот почему в его стихах бесконечные чердаки, углы, болота, погосты, лесные дороги. Вот почему видение моря в одиноких фантазиях мальчика было по-гриновски прекрасным. В стихотворении «Начало любви» он с автобиографической точностью изображает ситуацию, при которой и пришла эта болезнь:

*«Я влюбился в далекое море,
первый раз увидав моряка».*

Из этого даже признания ясно, что мы знаем очень мало об этой стороне жизни Рубцова. Можно было бы снять вполне романтический фильм о Рубцове: дни и ночи его, проведенные на пароходах («Борис Сафонов» или «Саша Чекалин», или «Генерал Ватутин»?), ныне списанных на покой. Брали плот в Верхней Вычегде и вели его до Архангельска (тогда еще не было Сыктывкарского ЦБК). «И архангельский дождик надо мной моросил». Сколько дней? Сколько ночей?.. мы не будем считать. Нам достаточно уже того, что нашлись две фотографии, на которых изображен ПОЭТ в навигацию 1964 года на надстройке парохода вместе с тогдашними товарищами-речниками: капитаном ГТ-116 Жулиным Павлом Александровичем, мотористом Александром Слюнченко и Алексеем Горинцевым. Рубцов Николай Михайлович здесь второй помощник механика. Так следует из свидетельства капитана Жулина, который один из четверых еще жив, правда, прикован к постели. На фотографии Рубцов без своих поэтических доспехов («И я с тетрадкой и пером»), но именно вода, водная стихия сильнее других стихий возбуждала в юном дыхании сильнейшие волнения. Так скажем же ей за это большое спасибо. И Сухоне скажем, и Вычегде, и Северной Двине.

Мария АВБАКУМОВА.